Мещане

Автор:
Максим Горький

Мещане

Максим Алексеевич Горький

«Пьеса "Мещане" – не просто дебют писателя в драматургии, – ею открывается новая общественно-политическая линия…» (К.С.Станиславский)

Максим Горький

Мещане

Действующие лица

Бессеменов, Василий Васильев, 58 лет, зажиточный мещанин, старшина малярного цеха.

Акулина Ивановна., жена его, 52 года.

Петр, бывший студент, 26 лет.

его дети

Татьяна, школьная учительница, 28 лет.

Нил, воспитанник Бессеменова, машинист, 27 лет.

Перчихин, дальний родственник Бессеменова, торговец певчими птицами, 50 лет.

Поля, его дочь, швейка, работает в семьях поденно, 21 год.

Елена Николаевна Кривцова, вдова смотрителя тюрьмы, живет на квартире у Бессеменовых, 24 года.

Тетерев, певчий.

нахлебники у Бессеменовых

Шишкин, студент.

Цветаева, учительница, подруга Татьяны, 25 лет.

Степанида, кухарка.

Баба с улицы.

Мальчишка, маляр.

Доктор.

Место действия – маленький провинциальный город.

Обстановка

Комната в зажиточном мещанском доме. Ее правый угол отрезан двумя глухими переборками; они выступают в комнату прямым углом и, стесняя задний план ее,

образуют на переднем еще маленькую комнату, отделенную от большой деревянной аркой. В арке протянута проволока, на ней висит пестрый занавес. В задней стене большой комнаты – дверь в сени и другую половину дома, где помещается кухня и комнаты нахлебников. Слева от двери – огромный, тяжелый шкаф для посуды, в углу сундук, справа – старинные часы в футляре. Большой, как луна, маятник медленно качается за стеклом, и, когда в комнате тихо, слышится его бездушное – да, так! да, так! В левой стене – две двери: одна в комнату стариков, другая – к Петру. Между дверями печь, облицованная белыми изразцами. У печи – старый диван, обитый клеенкой, пред ним – большой стол, на котором обедают, пьют чай. Дешевые венские стулья с тошнотворной правильностью стоят у стен. Слева же у самого края сцены – стеклянная горка, в ней – разноцветные коробочки, пасхальные яйца, пара бронзовых подсвечников, ложки чайные и столовые, несколько штук серебряных стаканчиков, стопок. В комнате за аркой, у стены против зрителя – пианино, этажерка с нотами, в углу кадка с филодендроном. В правой стене – два окна, на подоконниках – цветы, у окон – кушетка, около нее – у передней стены – маленький стол.

Акт первый

Вечер, около пяти часов. В окна смотрит осенний сумрак. В большой комнате – почти темно. Татьяна, полулежа на кушетке, читает книгу, Поля у стола – шьет.

Татьяна (читает). «Взошла луна. И было странно видеть, что от нее, такой маленькой и грустной, на землю так много льется серебристо-голубого, ласкового света»… (Бросает книгу на колени себе.) Темно.

Поля. Зажечь лампу?

Татьяна. Не надо! Я устала читать…

Поля. Как это хорошо написано! Просто так… и грустно… за душу берет… (Пауза.) Ужасно хочется знать – какой конец? поженятся они – иль нет?

Татьяна (с досадой). Не в этом дело…

Поля. А я бы такого не полюбила… нет!

Татьяна. Почему?

Поля. Скучный он… И всё жалуется… Неуверенный потому что… Мужчина должен знать, что ему нужно делать в жизни…

Татьяна (негромко). А… Нил – знает?

Поля (уверенно). Он знает!

Татьяна. Что же?

Поля. Я… не могу вам это рассказать… так просто, как он говорит… Но только – дурным людям… злым и жадным – плохо будет от него! Не любит он их…

Татьяна. Кто – дурен? И кто – хорош?

Поля. Он знает!.. (Татьяна молчит, не глядя на Полю. Поля, улыбаясь, берет книгу с ее колен.) Хорошо это написано! Она очень уж привлекательная… такая прямая, простая, душевная! Вот как видишь женщину-то, в милом образе описанную, так и сама себе лучше кажешься…

Татьяна. Какая наивная… смешная ты, Поля! А меня – раздражает вся эта история! Не было такой девушки! И усадьбы, и реки, и луны – ничего такого не было! Всё это выдумано. И всегда в книгах описывают жизнь не такой, какая она на самом деле… у нас, у тебя, например…

Поля. Пишут про интересное. А в нашей жизни – какой интерес?

Татьяна (не слушая, с раздраженьем). Мне часто кажется, что книги пишут люди… которые не любят меня и… всегда спорят со мной. Как будто они говорят мне: это лучше, чем ты думаешь, а вот это – хуже…

Поля. А я думаю, что все писатели непременно добрые… Посмотрела бы я на писателя!..

Татьяна (как бы сама с собою). Дурное и тяжелое они изображают не так, как я его вижу… а как-то особенно… более крупно… в трагическом тоне. А хорошее – они выдумывают. Никто не объясняется в любви так, как об этом пишут! И жизнь совсем не трагична… она течет тихо, однообразно… как большая мутная река. А когда смотришь, как течет река, то глаза устают, делается скучно… голова тупеет, и даже не хочется подумать – зачем река течет?

Поля (задумчиво глядя пред собой). Нет, я бы посмотрела на писателя! Вы читали, а я нет-нет да и подумаю – какой он? Молодой? старый? брюнет?..

Татьяна. Кто?

Поля. Вот этот писатель…

Татьяна. Он умер…

Поля. Ах… жалко как! Давно? Молодой?

Татьяна. Средних лет. Он пил водку…

Поля. Бедненький… (Пауза.) И почему это – умные люди пьянствуют? Вот этот, нахлебник ваш, певчий… он ведь умный, а – пьет… почему это?

Татьяна. Жить скучно…

Петр (заспанный, выходит из своей комнаты). Экая тьма! Кто это сидит?

Поля. Я… и Татьяна Васильевна…

Петр. Что ж вы огонь не зажжете?

Поля. Мы сумерничаем…

Петр. В мою комнату от стариков запах деревянного масла проходит… Должно быть, от этого во сне я видел, будто плыву по какой-то реке, а вода в ней густая, как деготь… Плыть тяжело… и я не знаю – куда надо плыть… и не вижу берега.

Попадаются мне какие-то обломки, но когда я хватаюсь за них – они рассыпаются в прах… гнилые, трухлявые. Ерунда… (Насвистывая, шагает по комнате.) Пора бы чай пить…

Поля (зажигая лампу). Пойду, похлопочу… (Уходит.)

Петр. По вечерам у нас в доме как-то особенно… тесно и угрюмо. Все эти допотопные вещи как бы вырастают, становятся еще крупнее, тяжелее… и, вытесняя воздух, – мешают дышать. (Стучит рукой в шкаф.) Вот этот чулан восемнадцать лет стоит на одном месте… восемнадцать лет… Говорят – жизнь быстро двигается вперед… а вот шкафа этого она никуда не подвинула ни на вершок… Маленький я не раз разбивал себе лоб о его твердыню… и теперь он почему-то мешает мне. Дурацкая штука… Не шкаф, а какой-то символ… черт бы его взял!

Татьяна. Какой ты скучный, Петр… Тебе вредно жить так…

Петр. Как это?

Татьяна. Ты нигде не бываешь… только наверху у Лены… каждый вечер. И это очень беспокоит стариков… (Петр, не отвечая, ходит и свищет.) Знаешь – я стала сильно уставать… В школе меня утомляет шум и беспорядок… здесь – тишина и порядок. Хотя у нас стало веселее с той поры, как переехала Лена. Да-а, я очень устаю! А до праздников еще далеко… Ноябрь… Декабрь. (Часы бьют шесть раз.)

Бессеменов (высовывая голову из двери своей комнаты). Засвистали козаченьки! Прошение-то, поди-ка, опять не написал?

Петр. Написал, написал…

Бессеменов. Насилу-то удосужился… эхе-хе! (Скрывается.)

Татьяна. Какое это прошение?

Петр. О взыскании с купца Сизова 17 р. 50 к. за окраску крыши на сарае…

Акулина Ивановна(выходит с лампой). А на дворе-то опять дождик пошел. (Подходит к шкафу, достает из него посуду и накрывает на стол.) Холодно у нас чего-то. Топили, а холодно. Старый дом-то… продувает… охо-хо! А отец-то, ребятишки, опять сердитый… поясницу, говорит, ломит у него. Тоже старый… а всё неудачи да непорядки… расходы большие… забота.

Татьяна (брату). Ты вчера у Лены сидел?..

Петр. Да…

Татьяна. Весело было?

Петр. Как всегда… пили чай, пели… спорили…

Татьяна. Кто с кем?

Петр. Я с Нилом и Шишкиным.

Татьяна. По обыкновению…

Петр. Да. Нил восторгался процессом жизни… ужасно он раздражает меня… проповедью бодрости, любви к жизни… Смешно! Слушая его, начинаешь представлять себе эту никому не известную жизнь… чем-то вроде американской тетушки, которая вот-вот явится и осыплет тебя разными благами… А Шишкин проповедовал пользу молока и вред табака… да уличал меня в буржуазном образе мыслей.

Татьяна. Всё одно и то же…

Петр. Да, по обыкновению…

Татьяна. Тебе… очень нравится Лена?

Петр. Н-ничего… она славная… веселая…

Акулина Ивановна.. Вертушка она! Зряшная ее жизнь! Каждый божий день гости у нее, чаи да сахары… пляс да песня… а вот умывальника купить себе не может! Из таза умывается да на пол воду хлещет… дом-то гноит…

Татьяна. А я вчера была в клубе… на семейном вечере. Член городской управы Сомов, попечитель моей школы, едва кивнул мне головой… да. А когда в зал вошла содержанка судьи Романова, он бросился к ней, поклонился, как губернаторше, и поцеловал руку…

Акулина Ивановна.. Экой бесстыдник, а? Где бы взять честную девушку под ручку да уважить ее, поводить ее по зале-то вальяжненько, на людях-то…

Татьяна (брату). Нет, ты подумай! Учительница, в глазах этих людей, заслуживает меньше внимания, чем распутная, раскрашенная женщина…

Петр. Не стоит замечать таких… пошлостей… Нужно ставить себя выше… А она хоть и распутная, но не красится…

Акулина Ивановна. Ты почем знаешь? Лизал ей щеки-то? Сестру обидели, а он за обидчицу заступается…

Петр. Мамаша! Будет вам…

Татьяна. Нет, при матери совершенно нельзя говорить… (За дверью в сени слышны тяжелые шаги.)

Акулина Ивановна. Ну-ну! Окрысились… Ты бы, Петр, чем шаги-то вышагивать, самовар втащил… а то Степанида жалуется – тяжело, дескать…

Степанида (вносит самовар, ставит его на пол около стола и, выпрямившись, задыхаясь, говорит хозяйке). Ну, и как вам будет угодно, а только опять говорю – сил моих нет лешего этакого таскать, – ноженьки подламываются…

Акулина Ивановна. Что же – особого человека нанять прикажешь?

Степанида. Как хотите! Пускай певчий носит – что ему? Петр Васильич, поставь на стол самовар, ей-ей, мочи нет!

Петр. Ну, давай… эх!

Степанида. Спасибо. (Уходит.)

Акулина Ивановна. В самом деле, Петя, скажи-ка ты певчему-то, пусть бы он самовар-от подавал? Право…

Татьяна (тоскливо вздыхает). О боже мой…

Петр. А не сказать ли ему, чтоб он воду носил, полы мыл, трубы чистил и, кстати уж, белье стирал?

Акулина Ивановна(с досадой отмахивается от него рукой). Что зря говоришь? Всё это своим порядком и без него делают… А самовар внести…

Петр. Мамаша! Каждый вечер вы поднимаете сей роковой вопрос – вопрос о том, кому носить самовар. И поверьте, что вопрос этот пребудет неразрешенным до поры, пока вы не наймете дворника…

Акулина Ивановна. На кой шут он нужен, дворник? Отец сам двор убирает…

Петр. И это называется – скряжничеством. А скряжничать нехорошо, имея в банке…

Акулина Ивановна. Ш-ш! Нишкни! Отец услышит – он те задаст банк! Ты в банк-то деньги вложил?

Петр. Послушайте!

Татьяна (вскакивая). Петр, да оставь хоть ты… ведь терпения не хватает…

Петр (подходя к ней). Ну, не кричи! Незаметно для себя втягиваешься в эти споры…

Акулина Ивановна. Застонали! Слова сказать матери-то нельзя…

Петр. Изо дня в день – одно и то же… На душу от этих прений садится какая-то копоть, ржавчина…

Акулина Ивановна(кричит в дверь своей комнаты). Отец! Иди чай пить…

Петр. Когда истечет срок моего отлучения от университета, я уеду в Москву и, как прежде, буду приезжать сюда на неделю, не больше. За три года университетской жизни я отвык от дома… от всего этого крохоборства и мещанской суеты… Хорошо жить одному, вне прелестей родного крова!..

Татьяна. А мне вот некуда ехать…

Петр. Я говорю тебе – поезжай на курсы…

Татьяна. Ах, зачем мне курсы? Я жить, жить я хочу, а не учиться… пойми!

Акулина Ивановна(снимая чайник с самовара, обожгла руку и вскрикивает). Ах, пострели те горой!

Татьяна (брату). И я не знаю, не представляю – что значит жить? Как я могла бы жить?

Петр (задумчиво). Н-да, жить надо умеючи… осторожно…

Бессеменов (выходит из своей комнаты и, оглядев детей, садится за стол). Нахлебников звали?

Акулина Ивановна. Петя! Позови-ко…

(Петр уходит. Татьяна идет к столу.)

Бессеменов. Опять пиленого сахару купили? Сколько раз я говорил…

Татьяна. Ну, не всё ли равно, папаша?

Бессеменов. Я говорю не тебе, а матери. Тебе, я знаю, всё равно…

Акулина Ивановна. Всего фунт купила я, отец. Целая голова есть, только не успели расколоть… не сердись!

Бессеменов. Я не сержусь… Я говорю – пиленый сахар тяжел и не сладок, стало быть, невыгоден. Сахар всегда нужно покупать головой… и колоть самим. От этого будут крошки, а крошки в кушанье идут. И сахар самый, он легкий, сладкий… (Дочери.) Ты чего морщишься да вздыхаешь?

Татьяна. Ничего, ничего… так…

Бессеменов. А коли ничего, так незачем и вздыхать. Неужто отцовы слова так тяжело слушать? Не для, себя ради, а для вас же, молодых, говорим. Мы свое прожили, вам – жить. А когда глядишь на вас, то не понимаешь – как, собственно, вы жить думаете? К чему у вас намерения? Наш порядок вам не нравится, это мы видим, чувствуем… а какой свой порядок вы придумали? Вот он, вопрос. Н-да…

Татьяна. Папаша! Подумайте, который раз говорите вы мне это?

Бессеменов. И еще, и без конца, до гроба говорить буду! Ибо – обеспокоен я в моей жизни. Вами обеспокоен… Зря, не подумавши хорошо, пустил я вас в образование… Вот – Петра выгнали, ты – в девках сидишь…

Татьяна. Я работаю… я…

Бессеменов. Слыхал. А кому польза от этой работы? Двадцать пять рублей твои – никому не надобны, и тебе самой. Выходи замуж, живи законным порядком, – я сам тебе пятьдесят в месяц платить буду.

Акулина Ивановна(всё время разговора отца с дочерью беспокойно вертится на стуле, несколько раз пытается что-то сказать и, наконец, ласково спрашивает). Отец! Ватрушечки… не хочешь ли? От обеда остались… а?

Бессеменов (оборачиваясь к ней, смотрит на нее сначала сердито и потом, улыбаясь в бороду, говорит). Ну, тащи ватрушки… тащи… Эхе-хе! (Акулина

Ивановна бросается к шкафу, а Бессеменов говорит дочери.) Видишь, мать-то, как утка от собаки птенцов своих, вас от меня защищает… Всё дрожит, всё боится, как бы я словом-то не ушиб вас… Ба, птичник! Явился, пропащий!

Перчихин (является в дверях, за ним молча входит Поля). Мир сему дому, хозяину седому, хозяйке-красотке, чадам их любезным – во веки веков!

Бессеменов. У тебя опять разрешение вина?

Перчихин. С горя!

Бессеменов. С какого это?

Перчихин (рассказывает, здороваясь). Зяблика продал сегодня… Три года держал птицу, тирольской трелью пела, – продал! Почувствовал себя за этот поступок низким человеком и – растрогался. Жаль птицу, привык… любил…

(Поля, улыбаясь, кивает отцу головой.)

Бессеменов. А зачем продавал, коли так?

Перчихин (придерживаясь за спинки стульев, ходит вокруг стола). Цену хорошую дали…

Акулина Ивановна. А что тебе деньги? Всё равно зря промотаешь…

Перчихин (усаживаясь). Верно, мать! Деньги мне не к рукам… верно!

Бессеменов. Значит, опять-таки не было резона продавать…

Перчихин. Был резон. Слепнуть стала птица… стало быть, скоро помрет…

Бессеменов (усмехаясь). Ты, однако, не совсем дурак…

Перчихин. Рази я это от ума поступил? Это от низости натуры моей…

(Петр и Тетерев входят.)

Татьяна. А Нил где?

Петр. Ушел с Шишкиным на репетицию.

Бессеменов. Где это они играть хотят?

Петр. В манеже. Спектакль для солдат.

Перчихин (Тетереву). Божьей дудке – почтение! Синиц ловить идем, дядя?

Тетерев. Можно. А когда?

Перчихин. Хоть завтра.

Тетерев. Не могу. Покойник есть…

Перчихин. До обедни?

Тетерев. Могу. Заходи. Акулина Ивановна! А не осталось ли чего-нибудь от обеда? Каши или в этом роде чего-либо?..

Акулина Ивановна. Изволь, батюшка, есть. Поля, принеси-ко там…

(Поля уходит.)

Тетерев. Премного благодарен. Ибо сегодня, как вам это известно, не обедал я по случаю похорон и свадьбы…

Акулина Ивановна. Знаю, знаю…

(Петр, взяв налитый стакан, уходит в комнату за аркой, сопровождаемый испытующим взглядом отца и недружелюбным – Тетерева. Несколько секунд все

пьют и едят молча.)

Бессеменов. А хорошо ты, Терентий Хрисанфыч, заработаешь в этом месяце. Почти каждый день покойник.

Тетерев. Везет… ничего.

Бессеменов. И свадьбы часто…

Тетерев. И женятся усердно…

Бессеменов. Вот накопи деньжат да и сам женись.

Тетерев. Не хочется…

(Татьяна уходит к брату, и между ними начинается тихая беседа.)

Перчихин. Не женись, не надо! Нашему брату, чудаку, женитьба ни к чему. Лучше пойдем снигирей ловить…

Тетерев. Согласен…

Перчихин. Расчудесное это занятие – снигирей ловить! Только что снег выпал, земля словно в пасхальную ризу одета… чистота, сияние и кроткая тишина вокруг… Особенно ежели день солнечный – душа поет от радости! На деревьях еще осенний лист золотом отливает, а уж ветки серебрецом снежка пухлого присыпаны… И вот на этакую умилительную красоту – гурлы! гурлы! – вдруг с небес чистых стайка красных птичек опустится, цви! цви! цви! И словно маки расцветут. Толстенькие эдакие пичужки, степенные, вроде генералов. Ходят и ворчат и скрипят – умиление души! Сам бы в снигиря обратился, чтобы с ними порыться в снегу… эх!..

Бессеменов. Глупая птица, снигирь.

Перчихин. Я сам глупый…

Тетерев. Рассказано хорошо…

Акулина Ивановна(Перчихину). Младенец ты…

Перчихин. Люблю птичек ловить! Что есть на свете лучше певчей птицы?

Бессеменов. А ловить ее, птицу-то, грех. Знаешь?

Перчихин. Знаю. Но ежели люблю? И ничего кроме делать не умею. Я так полагаю, что всякое дело любовью освящается…

Бессеменов. Всякое?

Перчихин. Всякое!

Бессеменов. А ежели кто любит чужую собственность прикарманивать?

Перчихин. Это уж будет не дело, а воровство.

Бессеменов. Мм… Оно пожалуй…

Акулина Ивановна(зевая). Охо-хо! Скушно что-то… И как это по вечерам скушно всегда… Хоть бы ты, Терентий Хрисанфыч, гитару свою принес да поиграл бы.

Тетерев (спокойно). При найме мною квартиры, достопочтенная Акулина Ивановна, я не брал на себя обязанности увеселять вас…

Акулина Ивановна(не разобрав). Как ты сказал?

Тетерев. Громко и внятно.

Бессеменов (с удивлением и досадой). Смотрю я на тебя, Терентий Хрисанфович, и дивуюсь. Человек ты… извини за выражение, совсем… никудышный… никчемный, но гордость в тебе – чисто барская. Откуда бы?

Тетерев (спокойно). Врожденная…

Бессеменов. Чем же ты гордишься-то, скажи на милость?

Акулина Ивановна. Так это он – чудачит всё. Какая в нем гордость может быть?

Татьяна. Мама!

Акулина Ивановна(встрепенувшись). А? Ты что?

(Татьяна укоризненно качает головой.)

Акулина Ивановна. Али я опять что не так сказала? Ну, ин буду молчать… Бог с вами!

Бессеменов (обиженный). Ты, мать, осторожнее выражай свои мысли. Мы живем среди лиц образованных. Они на всё могут навести критику с точки науки и высших свойств ума. А мы с тобой люди старые, глупые…

Акулина Ивановна(миролюбиво). Что уж там! Конечно уж… они ведь знают.

Перчихин. А это ты, брат, верно сказал. Хоть и в шутку, а верно…

Бессеменов. Я не в шутку…

Перчихин. Погоди! Старики – действительно глупый народ…

Бессеменов. Особенно как на тебя посмотришь.

Перчихин. Я – не в счет. Я даже так полагаю: не было бы стариков – не было бы и глупости… Старый человек думает, как сырое дерево горит, – больше чаду, чем огня…

Тетерев (улыбаясь). Одобряю…

(Поля ласково смотрит на отца и гладит его плечо рукой.)

Бессеменов (угрюмо). Так, так! Ну, ври дальше…

(Петр и Татьяна, прерывая свою беседу, с улыбкой смотрят на Перчихина.)

Перчихин (воодушевленно болтает). Старики, главное дело, упрямые! Он, старик, и видит, что ошибся, и чувствует, что ничего не понимает, но сознаться в том – не может. Гордость! Жил, дескать, жил, одних штанов, может, сорок штук износил и вдруг – понимать перестал! Как так? Обидно! Ну, он свое и долбит – я стар, я прав. А куда уж? Ум стал тяжелый у него… А у молодых – ум быстрый, легкий…

Бессеменов (грубо). Ну, ты заврался, однако… Ты вот что мне скажи: коли мы глупы, стало быть – надо нас учить уму-разуму?

Перчихин. Где там? В камни стрелять – стрелы терять…

Бессеменов. Погоди, не перебивай! Я постарше тебя. Я говорю: чего же быстрые-то умы по углам от нас, стариков, разбегаются да оттуда смешные рожи показывают, а говорить с нами не хотят? Вот ты и подумай… И я пойду подумаю… один, коли глуп я для вашей компании (с шумом отодвигает свой стул и в дверях своей комнаты говорит) … образованные мои дети…

(Пауза.)

Перчихин (Петру и Татьяне). Ребятишки! Вы чего старика обижаете?

Поля (улыбаясь). Да это ты его обидел…

Перчихин. Я? В жизнь ни разу никого не обижал…

Акулина Ивановна. Эх, братцы! Нехорошо у нас… За что старика обидели? Все надутые, все недовольные… а он – стар, ему покой нужен… его уважать надо бы… Ведь отец… Пойду к нему. Палагея, ты вымой посуду-то…

Татьяна (подходя к столу). И за что на нас рассердился отец?

Акулина Ивановна(в дверях). А ты больше бегай от него… умная!

(Поля моет посуду, а Тетерев, облокотясь о стол, тяжелым взглядом смотрит ей в лицо. Перчихин идет к Петру и присаживается у стола. Татьяна медленно уходит в свою комнату.)

Поля (Тетереву). Вы что смотрите на меня… так?

Тетерев. Так…

Перчихин. О чем думаешь, Петя?

Петр. Куда бы уйти…

Перчихин. Давно я хочу тебя спросить, скажи ты мне, пожалуйста: что такое канализация?

Петр. Ну зачем тебе? Рассказывать это так, чтоб ты ясно понял, – долго… и скучно…

Перчихин. А ты сам-то знаешь все-таки?

Петр. Знаю…

Перчихин (недоверчиво глядя в лицо Петра). Мм…

Поля. Как долго не идет Нил Васильевич…

Тетерев. Какие у вас хорошие глаза…

Поля. Вы это и вчера говорили.

Тетерев. Скажу и завтра.

Поля. Зачем?

Тетерев. А не знаю… Вы, может быть, думаете, что я влюблен в вас?

Поля. Господи! Ничего я не думаю.

Тетерев. Ничего? Жаль! Вы подумайте…

Поля. Да… о чем?

Тетерев. Ну, хоть бы о том – чего ради я пристаю к вам? Подумайте и скажите мне…

Поля. Какой вы чудак!

Тетерев. Знаю… Вы говорили мне это. Я тоже повторю вам – уходите отсюда! Вам вредно бывать в этом доме… уходите!

Петр. Вы объясняетесь в любви? Может быть, мне уйти?

Тетерев. Нет, не беспокойтесь! Я не считаю вас предметом одушевленным…

Петр. Неостроумно…

Поля (Тетереву). Какой вы задира!

(Тетерев отходит в сторону и внимательно прислушивается к разговору Петра и Перчихина.)

Татьяна (выходит из своей комнаты, кутаясь в шаль, садится за пианино и спрашивает, разбирая ноты). Нил еще не пришел?

Поля. Нет…

Перчихин. Скушновато… Да, вот что, Петя: прочитал я прошлый раз в листке, будто в Англии летающие корабли выстроены. Корабль будто как следует быть, но ежели сел ты на него, надавил эдакую кнопку – фию! Сейчас это поднимается он птицей под самые облаки и уносит человека неизвестно куда… Будто очень многие англичаны без вести пропали. Верно это, Петя?

Петр. Ерунда!

Перчихин. А печатают…

Петр. Мало ли ерунды печатают.

Перчихин. Много разве?

(Татьяна тихо наигрывает что-то грустное.)

Петр (с досадой). Конечно, много!

Перчихин. Ты не сердись. И что это, в самом деле, все вы, молодые, на нас, подержанных людей, свысока глядите? И даже никак говорить не желаете? Нехорошо!

Петр. Дальше!..

Перчихин. Дальше вижу я, что надо мне уходить. Надоел. Поля, ты скоро домой пойдешь?

Поля. Вот уберусь только… (Выходит из комнаты, сопровождаемая взглядом Тетерева.)

Перчихин. Н-да… Забыл ты, Петя, как мы с тобой, бывало, чижиков ловили. В ту пору любил ты меня…

Петр. Я и теперь…

Перчихин. Вижу, чувствую… как ты теперь!

Петр. Я в то время леденцы и пряники любил, а теперь в рот не беру…

Перчихин. Понимаю… Дядя Терентий! Идем пиво пить?

Тетерев. Не расположен…

Перчихин. Ну, я один. В кабачке – весело. В кабачке – просто. А у вас – с тоски помрешь, не в комплимент вам будь сказано. Ничего вы не делаете… никаких склонностей не имеете… А то давайте в карты играть? В свои козыри? Как раз четверо… (Тетерев смотрит на Перчихина и улыбается.) Не желаете? Ну, воля ваша… Стало быть, прощайте! (Подходя к Тетереву, щелкает себя по горлу.) Идем?

Тетерев. Нет…

(Перчихин уходит, безнадежно махая рукой. Несколько секунд тишины. Отчетливо слышны тихие ноты пьесы, которую медленно разбирает Татьяна. Петр, лежа на кушетке, вслушивается и насвистывает мелодию. Тетерев встает со стула и ходит по комнате. В сенях, за дверью, с громом падает что-то железное – ведро или самоварная труба. Слышен голос Степаниды: «Куда те черт понес»…)

Татьяна (не прерывая игры). Как долго Нил не приходит…

Петр. Никто не идет…

Татьяна. Ты ждешь Елену?..

Петр. Кого-нибудь…

Тетерев. Никто к вам не придет…

Татьяна. Какой вы всегда мрачный…

Тетерев. Никто не придет к вам, ибо у вас нечего взять…

Петр. Так говорит Терентий Богословский…

Тетерев (настойчиво). Замечаете ли вы, что у пьяненького, подержанного птичника – жив дух и жива душа его, тогда как вы оба, стоя на пороге жизни, – полумертвы?

Петр. А вы? Вы о себе какого мнения?

Татьяна (вставая со стула). Господа, оставьте! Ведь уж это было, было! Вы спорили об этом…

Петр. Мне нравится ваш стиль, Терентий Хрисанфович… И нравится ваша роль – роль судьи всех нас… Но я желал бы понять – почему именно эту роль вы играете… Вы говорите всегда так, точно читаете нам акафист за упокой…

Тетерев. Таковых акафистов не бывает…

Петр. Ну, всё равно. Я хочу сказать – вот вы не любите нас…

Тетерев. Очень…

Петр. Спасибо за откровенность.

(Входит Поля.)

Тетерев. Кушайте на здоровье.

Поля. Чем вы угощаете?

Татьяна. Дерзостями…

Тетерев. Правдой…

Поля. А я хочу идти в театр… Не пойдет ли кто со мной?

Тетерев. Я…

Петр. Что сегодня?

Поля. «Вторая молодость»… Идемте, Татьяна Васильевна?

Татьяна. Нет… Я в этот сезон едва ли буду ходить в театр. Надоело. Меня злят, раздражают все эти драмы с выстрелами, воплями, рыданиями. (Тетерев ударяет пальцем по клавише пианино, и по комнате разливается густой печальный звук.) Все это неправда. Жизнь ломает людей без шума, без криков… без слез… незаметно…

Петр (угрюмо). Разыгрывают драмы на тему о страданиях любви, и никто не видит тех драм, которые терзают душу человека, стоящего между «хочу» и «должен»…

(Тетерев, улыбаясь, продолжает бить по клавишам басов.)

Поля (смущенно улыбаясь). А мне нравится в театре… ужасно. Вот, например, Дон Сезар де Базан, испанский дворянин… удивительно хорошо! Настоящий герой…

Тетерев. Я похож на него?

Поля. Ой, что вы! Совсем ни капли!..

Тетерев (усмехаясь). Эх… жаль!

Татьяна. Когда актер на сцене объясняется в любви – я слушаю и злюсь… Ведь этого не бывает, не бывает!..

Поля. Ну, я иду… Терентий Хрисанфович, – идете?

Тетерев (перестает трогать клавиши). Нет. Я не пойду с вами, если вы не находите во мне ничего общего с испанским дворянином…

(Поля, смеясь, уходит.)

Петр (глядя вслед ей). Что ей испанский дворянин?

Тетерев. Она чувствует в нем здорового человека…

Татьяна. Он красиво одет…

Тетерев. И весел… Веселый человек – всегда славный человек… Подлецы редко бывают веселыми людьми.

Петр. Ну, с этой точки зрения вы должны быть величайшим злодеем на земле…

Тетерев (снова начиная извлекать из пианино густые тихие звуки). Я просто – пьяница, не больше. Вы знаете, почему в России много пьяниц? Потому что быть пьяницей удобно. Пьяниц у нас любят. Новатора, смелого человека – ненавидят, а пьяниц – любят. Ибо всегда удобнее любить какую-нибудь мелочь, дрянь, чем что-либо крупное, хорошее…

Петр (расхаживая по комнате). У нас в России… у нас в России… Как это странно звучит! Разве Россия – наша? Моя? Ваша? Что такое – мы? Кто – мы?

Тетерев (напевает). Мы во-ольные птицы…

Татьяна. Терентий Хрисанфович! Перестаньте, пожалуйста, звонить… уж очень погребально!

Тетерев (продолжая). Я аккомпанирую настроению…

(Татьяна с досадой выходит из комнаты в сени.)

Петр (задумчиво). Н-да… Вы… в самом деле перестаньте, это расстраивает нервы… Я думаю, что, когда француз или англичанин говорит: Франция! Англия!.. он непременно представляет себе за этим словом нечто реальное, осязаемое… понятное ему… А я говорю – Россия и – чувствую, что для меня это – звук пустой. И у меня нет возможности вложить в это слово какое-либо ясное

содержание. (Пауза. Тетерев звонит.) Есть много слов, которые произносишь по привычке, не думая о том, что скрыто за ними… Жизнь… Моя жизнь… Чем наполняются эти два слова?.. (Молчит, расхаживая, Тетерев, тихо ударяя по клавишам, наполняет комнату стонущими звуками струн и с улыбкой, застывшей на его лице, следит за Петром.) Черт дернул меня принять участие в этих дурацких волнениях! Я пришел в университет учиться и учился… Перестаньте звонить, пожалуйста! Никакого режима, мешавшего мне изучать римское право, я не чувствовал… нет! По совести!.. нет, не чувствовал! Я чувствовал режим товарищества… и уступил ему. Вот два года моей жизни вычеркнуто… да! Это насилие! Насилие надо мной – не правда ли? Я думал: кончу учиться, буду юристом, буду работать… читать, наблюдать… буду жить!

Тетерев (иронически подсказывает). Родителям на утешение, церкви и отечеству на пользу, в роли покорного слуги общества…

Петр. Общество? Вот что я ненавижу! Оно всё повышает требования к личности, но не дает ей возможности развиваться правильно, без препятствий… Человек должен быть гражданином прежде всего! – кричало мне общество в лице моих товарищей. Я был гражданином… черт их возьми… Я… не хочу… не обязан подчиняться требованиям общества! Я – личность! Личность свободна… Слушайте! Бросьте это… этот чертов звон…

Тетерев. Я же аккомпанирую вам… мещанин, бывший гражданином – полчаса?

(Шум за дверями в сенях.)

Петр (раздраженно). Вы… не издевайтесь!

(Тетерев, вызывающе глядя на Петра, продолжает звонить. Входят Нил, Елена, Шишкин, Цветаева и вслед за ними Татьяна.)

Елена. Что значит этот звон погребальный? Здравствуйте, страшный букан! Здравствуйте, почти прокурор! Что вы тут делали?

Петр (хмуро). Глупости…

Тетерев. Это я вызванивал отходную человеку, безвременно угасшему…

Нил (Тетереву). Слушай! У меня к тебе просьба!

(Что-то шепчет на ухо ему. Тетерев кивает головой.)

Цветаева. Ах, господа! Как интересно было на репетиции!

Елена. О прокурор! Как свирепо ухаживал за мной поручик Быков!

Шишкин. Теленок ваш Быков…

Петр. Почему вы полагаете, что мне интересно знать, кто и как ухаживал за вами?

Елена. Ой, вы не в духе?

Цветаева. Петр Васильевич всегда не в духе.

Шишкин. Это обычное состояние его духа…

Елена. Танечка! И ты, по обыкновению, грустна, как ночь сентябрьская?

Татьяна. Да, по обыкновению…

Елена. А мне – ужасно весело! Господа, скажите – почему мне всегда весело?

Нил. Отказываюсь отвечать на вопрос – мне самому тоже всегда весело!

Цветаева. И мне!..

Шишкин. Мне – не всегда, но…

Татьяна. Постоянно…

Елена. Танечка! Ты остришь! Вот хорошо! Букан! Отвечайте – почему мне весело?

Тетерев. О воплощенное легкомыслие!

Елена. Ка-ак! Хорошо! Я вспомню вам эти слова, когда вы будете объясняться мне в любви!

Нил. Однако я бы поел чего-нибудь… Мне скоро на дежурство идти…

Цветаева. На всю ночь? Бедный!

Нил. На целые сутки… Пойду, однако, в кухню, поклонюсь Степаниде…

Татьяна. Я скажу ей… (Уходит с Нилом.)

Тетерев (Елене). Э… позвольте! Да разве я должен влюбиться в вас?

Елена. Да, дерзкий человек! Да, мрачное чудовище! Да! Да!

Тетерев (отступая пред ней). Повинуюсь… Мне это не трудно… Я однажды был влюблен сразу в двух девиц и в одну замужнюю женщину…

Елена (продолжая наступать на него). Ну и что же?

Тетерев. Бесполезно…

Елена (вполголоса, указывая глазами на Петра). Что у вас с ним вышло?

(Тетерев смеется. Они тихо беседуют.)

Шишкин (Петру). Слушай, брат, – нет ли целкового дня на три? Понимаешь – башмаки лопнули…

Петр. На… Семь за тобой…

Шишкин. Помню…

Цветаева. Петр Васильевич! Почему вы не принимаете участия в наших спектаклях?

Петр. Я же не умею играть…

Шишкин. А мы-то разве умеем?

Цветаева. Ходили бы хоть на репетиции. Солдатики ужасно интересные! Один, Ширков, такой уморительный! Наивный, славный, улыбается так ласково, конфузливо… и ничего не понимает…

Петр (искоса наблюдая за Еленой). Ну, знаете, я плохо разумею, как могут быть интересны люди, которые ничего не понимают?

Шишкин. Да ведь там не один Ширков…

Петр. Допускаю, что их целая рота…

Цветаева. Как можно говорить такие вещи? Вот уж не понимаю – что это у вас? Аристократизм, что ли?

Тетерев (вдруг громко). Жалеть я не умею…

Елена. Ш-ш-ш!..

Петр. Как вам известно, я мещанин…

Шишкин. Тем менее понятно твое отношение к простым людям…

Тетерев. Меня никто никогда не жалел…

Елена (вполголоса). А вы разве не знаете, что нужно платить добром за зло?

Тетерев. Не имею ни крупной, ни мелкой монеты…

Елена. Ах, тише!..

Петр (вслушиваясь в разговор Елены с Тетеревым). А мне непонятно… чего ради вы играете в симпатии к этим простым людям…

Цветаева. Мы – не играем… мы делимся, чем можем, с ними…

Шишкин. И даже не это… Просто нам приятно бывать в их среде… Они безыскусственны… среди их дышишь чем-то здоровым… как в лесу. Нашему брату, буквоеду, никогда не мешает освежаться…

Петр (настойчиво, со скрытым раздраженьем). Просто вы любите жить иллюзиями… И подходите вы к вашим солдатам с некоторым тайным намерением… смешным, простите за правду! Освежаться среди солдат – это, извините…

Цветаева. Да не только солдат! Ведь вы же знаете, что мы устраиваем спектакли и в депо…

Петр. Всё равно. Я говорю о том, что, называя всю эту вашу… беготню и суету живым делом, вы обманываетесь. Вы ведь убеждены, что способствуете развитию личности… и прочее… И это – самообман. Придет завтра офицер или мастер, даст личности в рожу и вышибет из ее головы всё, что вы успели заронить в нее, – если еще успели…

Цветаева. Как досадно слушать такие речи!

Шишкин (мрачно). Н-да… Речи неладные… Не первый раз я слышу их, и всё более они не нравятся мне… Когда-нибудь мы с тобой, Петр, разговоримся… навсегда!

Петр (холодно и лениво). Страшусь! Но жажду этой встречи…

Елена (горячо вскрикивает). Зачем вы напускаете на себя всё это? Господа! Зачем он хочет, чтоб его считали злым?

Петр. Ради оригинальности, я думаю.

Цветаева. Конечно! Интересничает! Все мужчины интересничают… при женщинах. Один изображает пессимиста, другой Мефистофеля… А сами – просто лентяи.

Тетерев. Кратко, ясно… и здорово!

Цветаева. А что же – комплименты я вам буду говорить? Ждите! Знаю я вас!

Тетерев. В этом случае вы знаете больше, чем я. А не знаете ли вы, кстати, вот чего: следует платить добром за зло или не следует? То есть, проще говоря, – считаете вы добро и зло равноценными или же нет?

Цветаева. Поехали парадоксы на немазаных колесах!

Шишкин. Погодите, не мешайте ему! Это интересно. Я, господа, люблю Тетерева слушать! Все-таки он – нет-нет да и загонит в мозг какую-нибудь занозу… А ведь у нас у всех, правду говоря, мыслишки-то всё ходовые, стертые, как старые пятаки…

Петр. Ты слишком великодушен… распространяя свои личные достоинства на всех…

Шишкин. Ну-ну! Надо говорить правду, брат! Даже в пустяках надо быть правдивым! Я прямо сознаюсь – никогда еще я ни одного оригинального слова не сказал! А хочется, господа!

Тетерев. А вот и сказал!

Шишкин (живо). Н-ну? Врешь? Что такое?

Тетерев. Сказал, брат! Верно… А что – сам догадайся.

Шишкин. Ну, это нечаянно вышло…

Тетерев. Нарочно оригинальным не будешь. Я пробовал…

Елена. Да говорите же вы, мучитель, о добре и зле!

Шишкин. Ну-ка, заводи философскую волынку!

Тетерев (становясь в позу). Достопочтенные двуногие! Когда вы говорите, что зло следует оплачивать добром, – вы ошибаетесь. Зло есть качество прирожденное вам и потому – малоценное. Добро – вы сами придумали, вы страшно дорого платили за него и потому – оно суть драгоценность, редкая вещь, прекраснее которой – нет на земле ничего. Отсюда вывод – уравнивать добро со злом невыгодно для вас и бесполезно. Я говорю вам – добром платите только за добро. И никогда не платите больше того, сколько получено вами, дабы не поощрять в человеке чувство ростовщика. Ибо человек – жаден. Получив однажды больше того, сколько следовало ему, в другой раз захочет получить еще больше. А также не платите ему меньше, чем должны. Ибо если вы его раз обсчитаете – человек злопамятен! – он скажет про вас «банкроты!», перестанет уважать и в другой раз не добро уже сделает вам, а только подаст милостину. Братие! будьте строго точны в уплате за добро, содеянное вам! Ибо нет на земле ничего печальнее и противней человека, подающего милостину ближнему своему! Но за зло – всегда платите сторицею зла! Будьте жестоко щедрым, вознаграждая ближнего за зло его вам! Если он, когда вы просили хлеба, дал камень вам, – опрокиньте гору на голову его! (Тетерев начинает шутливо, постепенно переходит в серьезный тон и кончает свою речь сильно, убежденно. Кончив, он, тяжело ступая, отходит в сторону. Минута общего молчания. Все смущены, почувствовав в словах его что-то тяжелое, искреннее.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/maksim-gorkiy/meschane-kupit

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити